

Мифологические основы предания о лидийском царе Гиге

ВЛАДИМИР АНДЕРСЕН

Легенда о восшествии на престол Гига, первого лидийского царя из династии Мермнадов, широко известна прежде всего благодаря яркому свидетельству Геродота (рассказ о Гиге и Кандавле находится в самом начале первой книги «Истории»). Свидетельство «отца истории» прочно вошло в античную и в позднейшую литературную традицию¹ не в последнюю очередь благодаря компактному, динамичному сюжету, который, предваряя будущий рассказ о несчастьях потомка Гига Креза, прекрасно иллюстрирует понятие «ἀνάγκη», одно из важнейших для Геродота.²

Кратко напомним содержание рассказа «отца истории». По Геродоту, Гиг (Γύγης) – первый из телохранителей Кандавла (Κανδαύλης), последнего царя из династии Гераклидов. Кандавл был страстно влюблен в свою жену (ее имя не называется) и очень гордился ее красотой. Для того, чтобы Гиг сам мог убедиться в том, как прекрасна царица, Кандавл придумал план, по которому телохранитель мог бы увидеть ее обнаженной в то время, когда она отходит ко сну, при этом не будучи замеченным ею. Однако царица заметила Гига, когда тот уходил из опочивальни, но, догадавшись, что это было сделано по плану ее мужа, не подняла тревогу,

¹ См. обширную работу: C.F. SMITH. *The Literary Tradition of Gyges and Candaules* // The American Journal of Philology, vol. 41 (1920), pp. 1–27.

² R. VIGNOLO MUNSON. *Ananke in Herodotus* // The Journal of Hellenic Studies (далее – JHS), vol. 121, 2001, pp. 30–50. В статье упоминается и сюжет о Гиге и Кандавле (p. 34).

а решила отомстить царю. На следующий день царица вызвала к себе Гига и предложила ему выбор: либо он убивает Кандавля, берет царицу в жены и становится царём сам, либо немедленно предается палачу. Гиг выбрал первый вариант и заколол Кандавля принесенным женщиной кинжалом на том самом месте, где увидел царицу обнаженной, после чего взял ее в жены и принял царский титул³.

Вместе с целиком находящимся в сфере рационального мышления рассказом Геродота, до нас дошли и другие свидетельства о восшествии Гига на царство. Самое известное из них – легенда о перстне Гига, содержащаяся в «Государстве» Платона. По этой легенде, как-то раз после проливного дождя и землетрясения в земле образовалась трещина. В расселину спустился некий лидиец,⁴ пастух, увидев там среди прочего «медного коня, полого и снабженного дверцами (ἵπλον χαλκοῦν, κοῖλον, θυρίδας ἔχοντα). Заглянув внутрь, он увидел мертвеца, на вид больше человеческого роста. На мертвеце не было ничего, только на руке – золотой перстень (χρῦσεος δακτύλιος)». Пастух взял себе этот перстень и через некоторое время обнаружил, что перстень обладает способностью делать его носителя невидимым. Воспользовавшись этим, пастух проник к царю, «совратил его жену, вместе с ней напал на него, убил и захватил власть».⁵ Далее в тексте Платона упоминается «перстень Гига (ὁ Γύγου δακτύλιος)»,⁶ который обладает той же способностью, что и шлем Аида (ἡ Ἄιδος κυνέη), т.е. делать невидимым.⁷

Наличие двух настолько разных свидетельств об одном и том же событии (которые, впрочем, очевидно, передают один и тот же сюжет) и ирреальный характер рассказа Платона, на первый взгляд, позволяют сказать, что свидетельство Геродота обладает бóльшим весом. Фантастические элементы в версии философа принимаются некоторыми исследователями за вымысел автора. По всей видимости, именно этими соображениями руководствуется А.А. Тахо-Годи, утверждая, что Платон в случае с легендой о перстне Гига «сам творит миф»⁸. Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивает оригинальная статья Э. Лэрда, в которой утверждается, что Платон основывает свою историю на материале Геродота, а все перипетии сюжета философом выдуманы. Аргументы Лэрда следующие:

³ Hdt. I, 8-14.

⁴ В этом месте читают как «предок Лида», т.е. Креза, так и «предок лидийца Гига». Подробнее см.: K.F. SMITH. *The Tale of Gyges and the King of Lydia* // *The American Journal of Philology*, vol. 3(4), 1902(1903), pp. 267–268. Так или иначе, данный пассаж Платона однозначно связывается с Гигом (см. ниже). Впрочем, Э. Лэрд (A. LAIRD. *Ringling the Changes on Gyges: Philosophy and the Formation of Fiction in Plato's Republic* // *JHS*, 121 (2001), pp. 12–29) пытается оспорить это на том основании, что два отрывка, имеющие отношение к Гигу, произносятся в диалоге Платона разные персонажи (Главкон и Сократ соответственно).

⁵ Plat. Resp. 359d–360b.

⁶ Ibid., 612b.

⁷ У Гомера «...Афина // Шлемом Лида покрылась, да будет незрима Арею» (пер. Н. Гнедича). II. V 845.

⁸ Платон. Соч. в 4 т., т. 3. С. 568.

во-первых, для Платона, виртуозного мыслителя, которому принадлежит авторство, например, аллегории «пещеры», не составило бы никакого труда выдумать подобную историю.⁹ Во-вторых, отца Гига у Геродота зовут Даскилом (Δάσκυλος), а центральную роль в платоновской истории играет перстень (δακτύλιος). По причине этого созвучия, считает британский автор, кольцо и было введено Платоном в свое повествование.¹⁰ Наконец, Лэрд отмечает, что история, которую рассказывает Платон, сохраняет слишком много подробностей и мелких деталей для того, чтобы быть реальным сохранившимся свидетельством.¹¹ Именно эти причины заставляют британского автора считать, что рассказ о Гиге выдуман Платоном на основе субстрата из Геродота.

Однако аргументы Э. Лэрда сложно назвать убедительными. История о Гиге служит Платону только для иллюстрации: в контексте этической системы «Государства» философу важно показать, как ведет себя человек в ситуации, когда он не может понести наказания за свои действия. Примером воплощения этой идеи является магическая сила перстня Гига. Детализированный же рассказ об обнаружении кольца будущим царем не добавляет никаких доказательств к той краткой интерпретации, которая дается Платоном всему сюжету: таким образом, никаких контекстуальных оснований выдумывать текст именно в таком виде у Платона нет.¹² Мнение Лэрда о том, что «кольцо» могло появиться в тексте Платона по принципу созвучия с именем отца Гига у Геродота, по меньшей мере странно: если имя собственное и имя нарицательное находятся в подобного рода связи, то первично, скорее всего, именно имя нарицательное. Финальный аргумент Лэрда был бы верен, если бы речь в рассказе Платона шла о реальных событиях. Однако большое количество архаических деталей (не оказывающих влияния на общее развитие сюжета), позволяет предположить, что Платон передает сложившуюся устную традицию¹³. Не случайно во время рассказа Главкон, персонаж «Государства», от лица которого ведется речь, обрамляет свой рассказ словами «φάσιν» (говорят) и «μυθολογούσιν» (рассказывают). Впрочем, Э. Лэрд, обращающий особое внимание на эти термины, интерпретирует их как искусную попытку Платона «подделаться» под реальную передачу устной традиции¹⁴ – хотя у философа, как уже замечено, контекстуальных оснований для этого нет.

⁹ A. LAIRD. Op. cit., p. 17.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid., pp. 19-20.

¹² Платон, скорее всего, «в значительной степени сократил и упростил» ту фольклорную лидийскую версию, которой он пользовался. См. K.F. Smith. *The Tale...*, p. 270.

¹³ Х. Роуз отмечает, что легенда, рассказанная Платоном, «имеет характерный привкус фольклорной истории»: она не содержит имен, за исключением имени самого Гига, и сама по себе не содержит никакой морали (см. H.J. ROSE. *Some Herodotean Rationalisms // The Classical Quarterly*, vol. 34, 1940, p. 80).

¹⁴ A. LAIRD. Op. cit., p. 19.

В. Андерсен. Мифологические основы предания о лидийском царе...

Итак, тот вариант легенды о восхождении Гига на царство, который приводит Платон, передает фольклорную историю, скорее всего, восточного происхождения.¹⁵ Анализ рассказа с этой точки зрения выявляет тесную связь такого персонажа, как Гиг, с царством мертвых. Занятие Гига – пастушество – в малоазийских преданиях тесно связано с подземным миром: пастух – это прежде всего пастух душ, «психопомп».¹⁶ Ситуация с расселиной, которая открывается во время землетрясения, указывает на то, что Гиг получает источник своей магической силы именно в мире мертвых. Конь выступает как медиатор, помощник при переходе в подземный мир.¹⁷ Наконец, кольцо Гига, как отмечает сам Платон, по своему эффекту идентично шлему Аида, что, в свою очередь, означает их связь не только по свойствам, но и по происхождению.

По рассказу Платона мы можем сделать достаточно четкие выводы о тесной связи Гига с подземным миром. Но легенда в пересказе философа только упоминает неназванного царя и царицу, и установить лишь по свидетельству Платона, какие функции выполняют в сюжете эти два персонажа, невозможно. Ситуацию могут прояснить параллельные свидетельства – прежде всего, рассказ Геродота. Уже имя царя, Кандавл, содержит общий индоевропейский корень «*k^won-», «собака».¹⁸ Собака в античности – хтоническое существо, священное животное Гека-ты; в малоазийском контексте – Великой богини.¹⁹ Само имя «Кандавл» – эпитет лидийского Гермеса,²⁰ который также тесно связан с Великой богиней. Отметим, что в «Корабле» Лукиана именно Гермес предстает как даритель кольца, дающего невидимость.²¹

¹⁵ Однако нам неизвестно, базируется эта легенда именно на лидийском субстрате или нет: ср. H.J. ROSE. *Op. cit.*, p. 81. Э. Роде полагает, что подобный «восточный стиль» может в действительности объясняться греческим влиянием (см. K.F. SMITH. *The Tale...*, p. 269).

¹⁶ В.Н. Топоров. *Пастух* // Мифы народов мира, т. 2. М., 1982. С. 292.

¹⁷ Не случаен и выбор материала, из которого сделан полый конь. Медь тесно связана с магией. У Вергилия жрица срезает травы «в полном цвету» «медным серпом при луне» (Aen. IV 513–514). Ср. комментарий Макробия (V, XIX 9–11).

¹⁸ Напр., греч. κύων, лат. canis, гэльск. cú, con. Подробнее об этимологии имени «Кандавл» см.: RE XX, Sp. 1860; P. CHANTRAINE. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. P., 1978, p. 491; H. FRISK. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960, S. 776.

¹⁹ Следы этого тождества сохраняются у Гесиода: Theog. 410–450. Тесная связь собаки с подземным миром хорошо известна. Именно из собачьей шкуры сделан шлем (κυνέη) Аида. Р. Назиров (Бельские просторы, №1, 2006) смело полагает, что реальным прототипом шлема Аида была «ритуальная маска собаки... древнейший из талисманов невидимости, первая шапка-невидимка», однако доказательств своего тезиса не приводит.

²⁰ Hērroπαx frg. 1, 2: «Ἑρμῆ κυνάυχα, Μηροιστὶ Κανδαῦλα». См. также: Вяч. В. Иванов. *Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое – убийце пса и его евразийские параллели* // Структура балканского текста. М., 1977; А.И. Немировский. *Этруски. От мифа к истории*. М., 1983. С. 25.

²¹ «Я хочу просить у Гермеса, чтобы он даровал мне перстни, обладающие волшебной силой... чтоб быть незримым, если повернешь его, такой, какой был у Гига» (пер. Н.Н. Залесского). LUCIAN. *Nav.* 42. Лукиан также упоминает кольцо Гига и шлем Аида вместе в

Несомненна связь с Великой богиней мотивов обнажения и подглядывания, которые занимают центральное место в рассказе Геродота. Мотив снятия одежд играет значительную роль в мифе о спуске Иштар в подземный мир.²² Что касается мотива подглядывания, то, вероятно, самым известным примером здесь является легенда об Актеоне, который, увидев обнаженной Артемиду, был превращен в оленя и растерзан собственными собаками.²³ Точно так же растерзан Пенфей у Еврипида, наказанный за подглядывание за шествием вакханок (имеющих ярко выраженные оргиастические черты и связанных на этом уровне с культом Великой богини). За подглядывание за богиней слепотой наказан Тиресий.²⁴ Примечательно, что тождественное ослеплению оскотление – неотъемлемая часть мифов, связанных с Великой богиней.²⁵

Таким образом, роль Великой богини в данном сюжете выполняет царица, жена сначала Кандавла, а затем Гига. Показательно, что в обеих легендах имя ее не названо (хотя, по свидетельству Птолемея Хенна, которое приводит Фотий в своей «Библиотеке», ее могли звать Нисией,²⁶ Тудун, Клитией²⁷ или Аброной; Николай Дамаскин называет царицу Тудоной²⁸). Интересную и, судя по всему, архаичную легенду приводит Птолемей Хенн: по его свидетельству, царица «приобрела двойные зрачки и крайне острый взгляд (ὄξυωπεστάτη), получив в свое распоряжение драконтит, «змеиный камень» (δρακοντίτης);²⁹ именно благодаря этому дару она

«Дважды обвиненном»: LUCIAN. *Bis. Acc.* 21.

²² Связь этого мифа с обнажением царицы в рассказе Геродота отмечает Леманн-Глупт (*RE XIV, Sp.* 1965–1966) со ссылкой на: C. FRIES. *Oriental. Lit.-Ztg.* 1910, 348 ff.

²³ APOLLOD. III 4, 4; *Hyg. Fab.* 247.

²⁴ APOLLOD. III 6, 7.

²⁵ О тождестве ослепления и оскотления см.: М.С. Альтман. *Слепой Фамир // Яфетический сборник*, VI. Л., 1930. С. 7–12.

²⁶ Птолемей Хенн (*Phot. Bibl. p. 150b Bekker*) говорит, что Геродот не называет имени Нисии (Νισία) по той причине, что Нисией звали возлюбленную любимца Геродота Плесирроя (Πλησίρροος), который, не добившись взаимности, повесился. По этой причине имя Нисии Геродоту было ненавистно.

²⁷ Имя «Клития» (Κλυτία) также связано с мотивом посягательства на женскую честь (тождественного подглядыванию), заканчивающегося ослеплением или оскотлением (*Hom. II. IX 440–484*).

²⁸ *Nic. Dam. Frg. 49*. Отметим, что даже рационализированное свидетельство Николая Дамаскина содержит классические черты волшебной сказки: например, царь (у Николая он носит имя Садиагт, «Σαδυάττης»), тайно желая уничтожить Гига, дает ему опасные поручения. Фольклорные черты в рассказе Николая Дамаскина, заимствованные, скорее всего, у лидийского логографа Ксанфа, отмечает К.Ф. Смит: K.F. SMITH. *The Tale...*, p. 265.

²⁹ Ср.: *Philostr. Vit. Ap. Tyana. III, 8*: «Говорят, будто в головах у горных змей хранятся светловидные камни, переливающиеся всеми цветами радуги и обладающие сокровенною силой – вроде того, который был, якобы, в перстне у Гига» (пер. Е.Г. Рабинович). Плиний (*Nat. Hist. XXXVII, 57*) упоминает о камне под названием «драконтит» или «драконтий», который добывают из мозга змей. Л. Хенкин (*L. HENKIN. The Carbuncle in the Adder's Head. // Modern Language Notes, Vol. 58, № 1, 1943, pp. 34–39*) рассматривает источники, в которых говорится об этом камне, но нигде не упоминает о его магических свойствах.

В. Андерсен. Мифологические основы предания о лидийском царе...

смогла увидеть Гига, уходящего через дверь».³⁰ У. Макдэниэл отмечает, что «удвоение зрачка как бы удваивало зрение царицы»,³¹ но не обращает внимания на то, что эту магическую способность она приобретает, став обладателем амулета (как и сам Гиг!). Название камня подчеркивает его хтоническое происхождение: змея, как и собака, имеет теснейшую связь с образом и культом Великой богини. Наконец, именно неназванная царица делает притязания Гига на трон легитимными.³²

Из сказанного становится ясным, что черты легенды о восхождении на престол Гига, которую Платон и Птолемей Хенн приводят, скорее всего, в оригинальном виде и которая сильно рационализирована Геродотом, имеют тесную связь с чрезвычайно распространенным в Малой Азии культом Великой богини. Несложно заметить и *coincidentia oppositorum*, которая характеризует образы Гига и Кандавля. Их общие черты, обладание (во всех версиях легенды) одной и той же женщиной, ситуация, когда за преступление (подглядывание) одного наказание несет другой, позволяет предположить, что эти два персонажа изначально представляли собой один образ, лишь потом разделившийся на два самостоятельных. Смена царей в ситуации, когда оба царя имеют явно выраженные общие черты, может быть рационализацией смерти и воскресения. Из сказанного можно заключить, что и Гиг и Кандавл имеют черты умирающе-воскресающего божества, паредра Великой богини.

Ещё одним (в большей степени филологическим) аргументом в пользу этой точки зрения может являться и связь между Гигом и фригийским царем Мидасом. Плиний упоминает о «кольце Мидаса, которое делало носящего его невидимым»³³. Оба персонажа баснословно богаты: история Мидаса широко известна, Архилох говорит о «всех богатствах Гига».³⁴ Григорий Назианзин упоминает Гига

³⁰ К.Ф. Смит (*The Tale...*, p. 373) приводит интересное мнение А. фон Гудшмида, по которому царица являлась первоначальной обладательницей перстня, который как делал его носителя невидимым, так и придавал ему способность волшебного зрения, а затем вручила перстень Гигу, чтобы он мог воспользоваться им для убийства царя. Так или иначе, нельзя отрицать, что магические способности Гига и царицы тесно связаны.

³¹ W. McDANIEL. *The Pupula Duplex and Other Tokens of an "Evil Eye" in the light of Ophthalmology* // *Classical Philology*, vol. 13 (1918), pp. 342–343.

³² Этот эпизод смущает ещё Николая Софиста (*Reth. Graeci* I 287 Walz). Действительно, с политической точки зрения претензии Гига никак не оправданы, тогда как при рассмотрении легенды как отражения мифологической традиции брак с Великой богиней представляет саму сущность царской власти. Ср. также мысль Л. Степкини о том, что легитимность власти Мермнадов была основана на браке с нимфой Гигеей (*Gygaia*) в лице ее жрицы (L.C. STESCHINI. *Gyges and Homer*. <http://www.metrum.org/gyges/index.htm>). Подробнее о женщине как носительнице царской власти см., напр., Д.Д. Фрэзер. *Золотая ветвь*. М., 1983.

³³ "Midae quidem anulum, quo circumacto habentem nemo cerneret, quis non etiam fabulosiorem fateatur?". *Plin. Nat. Hist.* XXXIII, 4, 8. Предположение К.Ф. Смита о том, что Мидас мог быть тем мертвецом, с пальца которого Гиг снимает перстень в рассказе Платона (К.Ф. Смит. *The Tale...*, p. 274), оригинально, но безосновательно.

³⁴ «Ὅθ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει». *Archil. fr.* 19 West. Л. К. Степкини (L.C. STESCHINI. *Op. cit.*) полагает, что строки «Одиссеи» (III 304–305): «Семь он властвовал лет над златообильной (πολυχρύσοιο) Микеной / После убийства царя, и народ покорялся Эгисту» (пер. В. Вересаева) могут

и Мидаса вместе.³⁵ Тожество Гига и Мидаса дает ещё один аргумент в пользу связи первого с Великой богиней: Мидас – спутник³⁶ Кибелы, матери Богов, или ее сын.³⁷

Mythological traces in the legend of the Lydian king Gyges

V. V. ANDERSEN

Analysing the text of the Herodotean legend of Gyges and Candaules (Hdt I, 8-14) as well as Plato's account of Gyges' magic ring (Plat. Resp. 359d-360b), the author argues that both accounts are based on the Anatolian myth of the Great Goddess and her dying-and-rising consorts.

быть намеком на историческую узурпацию власти Гигом. С нашей точки зрения, вероятнее предполагать, что сюжет об убийстве Агамемнона имеет влияние на рассказ Геродота (так считает и К.Ф. Смит: *The Tale...*, p. 386).

³⁵ Напр., Слово 43: «И сим хвалились мы больше, нежели Гиг (положим, что это не басня) обращением перстня, посредством которого стал он царем лидийским, или Мидас золотом, от которого он погиб, как скоро получил исполнение желания и стал (это другая фригийская басня) все обращать в золото».

³⁶ DIOD. III 58.

³⁷ GYG. Fab. 191.